

ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ОБОСНОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА И ПЕРСПЕКТИВА ТРАНС- И ПОСТГУМАНИЗМА

В. И. Чуевов

Важнейшим вопросом философской антропологии прошлого века стал, на первый взгляд, надуманный вопрос. Вопрос о новом обосновании, уже, казалось бы, обоснованного возрожденчески-нововременного идеала гуманизма. Такого его понимания, в котором сначала усилиями философской мысли человек стал пониматься как центр мира (антропоцентризм), а затем рассматриваться как его высшая ценность, цель, а не средство развития общества (гуманизм).

Ревизия и корректировка обоснования возрожденческого антропоцентризма и нововременного гуманизма в философской мысли XX века осуществлялась по разным директориям. В марксизме через выявление социально-исторической сущности человека. Во фрейдизме через устранение из предпосылок философской антропологии нарциссических представлений человека о самом себе. Во фрейдо-марксизме, ключевым представителем которого был Э. Фромм, через синтез первого и второго. При этом в еще одном магистральном направлении перезагрузки матрицы гуманизма в прошлом веке стала концепция эксцентричности человека Х. Плеснера. Сегодня эту концепцию в немарксистской и нефрейдистской литературе обычно связывают с именами М. Шелера и М. Хайдеггера, Й. Клагеса и др., а особенности ее обоснования с необходимостью синтеза философской антропологии трех составляющих: данных естествознания, уроков историко-философской рефлексии и мифологическо-религиозного опыта человека. При этом не всегда учитывается, что тройственная аргументологическая суть эксцентричности отличается не только от содержания возрожденческого антропоцентризма, эгоизма, индивидуализма и гуманизма Нового времени, но и является важной предпосылкой аргументации ценности пост- и транс-гуманизма будущего. Проиллюстрируем далее этот тезис на примере плеснеровской концепции эксцентричности человека, отразившей в себе и его естественно-научную подготовку, и усвоенные им уроки неокантианцев, Э. Гуссерля и М. Вебера, и особенности личной биографии автора, и его полемику с другими немецкими исследователями эксцентричности в 20-ые годы прошлого века. В работах «Единство чувств» (1923) и «Ступени органического в человеке» (1928, опубликована в год кончины М. Шелера) Х. Плеснер, в частности, полемизировал с М. Хайдеггером за его сведение в «Бытии и времени» эксцентричности только к критике эгоизма, интереса человека к себе самому. Для Плеснера намного точнее было обоснование другого тезиса о том, «что человек в своем бытии отличается

от всего остального бытия тем, что он ни самый близкий, ни самый дальний *себе*, что благодаря именно этой *эксцентричности своей формы жизни* (все выд. нами, – В. Ч.) он преднаходит себя в мире бытия и, тем самым, несмотря на небытийный естественный характер своего существования, относится к одному ряду вместе со всеми вещами этого мира» [2, с. 98].

В отличие от умозрительного обоснования Й. Клагеса в работе «Понятие интуиции» (1926) принципа эксцентричности, для Плеснера его обоснование должно было строиться на прочном естественно-научном фундаменте.

Для Плеснера важным было естественно-научно объяснение, что эксцентричность одно из важнейших отличий человека от животного, что последнее всегда является центром себя самого, тогда как человек реализует себя, выходя за рамки «здесь и теперь», способен к их противопоставлению, а также переживанию и изживанию, даже деградируя. По Плеснеру, и смех, и плач являются показательными (катастрофическими) реакциями эксцентричности человека, оказавшегося в изменившихся условиях, нарушением координации между реакциями человеческого тела и порывами человеческого духа. Эксцентричность, поэтому, «превращала» человека в избыточно духовного субъекта. Можно согласиться с тем, что эксцентричность человека у Плеснера отражала также не только состояние неравновесия, но и «отношение к отношению… личностный "эксцентр"…, который Плеснер называет "Я"» [1, с. 59]. Для понимания смысла плеснеровского обоснования эксцентричности, также важно различие между обоснованием как поиском оснований и естественно-научным объяснением, как вывлением причин, и, например, генетическое родство человеческой улыбки и оскала животного.

В логике плеснеровского обоснования эксцентричности сознание – человеческое зеркало внешнего мира, душа – зеркало внутреннего мира, а дух не зеркало вообще, т. к. «не составляет никакой реальности, он реализован в совместном мире, если только существует хотя бы одна личность (выд. нами, – В. Ч.)» [2, с. 133]. Дух раскрывается в коммуникации Я и Он (Она), Мы и Ты, а эксцентричность оказывается одновременным противопоставлением и изъятием человеком себя из противопоставления, чем-то вроде «ничто», которое через законы человеческой эксцентричности превращается в «нечто» (в гегелевском смысле этого слова).

Сегодня обосновательный потенциал плеснеровских законов эксцентричности: естественной искусственности; опосредованной непосредственности; утопического местоположения обычно рассматривается в ретро ключе, и их предсказательная функция для аргументации ценностей неклассического гуманизма остается в тени. Не претендуя далее на решение этой задачи в целом, ограничимся лишь

следующими намеками на них, укорененных в наблюдениях обыденного сознания и суждениях специалистов.

Эмпирическое наблюдение о том, что рожденное в лоне первой природе человеческое существо живет и воспроизводится за счет использования второй, или, по терминологии Плеснера, искусственной природы, для немецкого философа и составляло содержание закона естественной искусственности. Она через эксцентричность заставляет человека скрывать в одежде свою наготу, а также познавать, трудиться творить. Формулируя этот закон, Плеснер заметно обогащал представления о рукотворной природе человека старших софистов, Дж. Вико, но не учитывал выявленную К. Марксом социально-историческую закономерность динамики двойственной природы человеческого труда, а также Фрейдом детерминацию сознательного бессознательным.

Плеснеровское истолкование закона опосредованной непосредственности заметно обогащало учение Ф. Бэкона о связи гуманизма с развенчанием идолов рынка, пещеры, площади, декартовские представления о врожденных идеях было иллюстрацией материала гегелевской «Феноменологии духа», но уступало в методологическом смысле марковской диалектико-логической методологии поиска опосредствующих звеньев с помощью техники восхождения от абстрактного к конкретному.

Для Плеснера опосредованная непосредственность являлась косвенной прямотой, «противоречием, которое само себя решает», знанием, объектом которого является сам человек, его душа и тело. «Закон опосредованной непосредственности, – писал Плеснер, – вечно выталкивает его (человека, – В. Ч.) из спокойного состояния, в которое он хочет опять вернуться. Из этого основного движения получается история» [2, с. 145].

Еще одним законом эксцентричности для Плеснера было утопическое местоположение. В соответствии с ним, человек находится в постоянном поиске опоры во вне, осознавая при этом невозможность такую опору найти, т. е. утопичность своего осуществления через иное. Важно обратить внимание на то, что плеснеровские законы эксцентричности, взятые не по отдельности, а в целом, обладают определенным прогностическим потенциалом для понимания ценностей транс- и постгуманизма, но это уже тема самостоятельного исследования.

Литература и источники

1. Григорьян, Б. Т. Философская антропология / Б. Т. Григорьян. – М. : Мысль, 1982. – 188 с.

2. Плеснер, Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии / Х. Плеснер. – М. : Прогресс, 1988. – С. 96–151.